Год наших тайн

Автор:
Сарина Боуэн

Год наших тайн

Сарина Боуэн

Студенческие годы #2

Красавчик Бриджер был звездой хоккейной команды Харкнесса и известным сердцеедом, пока семейная трагедия не изменила всю его жизнь. Теперь его день расписан по минутам: учеба, несколько подработок и забота о младшей сестренке, которую он вынужден прятать в своей комнате в общежитии.

Так продолжалось до тех пор, пока в его мир не ворвалась Скарлетт – красивая, умная, загадочная. И Бриджер понял, что пропал. Однако ему очевидно, что у Скарлетт есть тайна. И он сделает все, чтобы разгадать ее и спасти девушку, которую любит больше жизни.

Сарина Боуэн

Год наших тайн

Sarina Bowen

The Year We Hid Away

© 2014 by Sarina Bowen

© О. Бараш, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Часть 1

Как ни прикрывай знак, а рана в сердце останется навек[1 - Пер. Э. Линецкой.].

Натаниэль Готорн, «Алая буква»

Глава 1. Работа вратаря

Скарлетт

Едва заслышав гудение пульта, открывающего дверь гаража, я принялась за дело.

Можно было не выглядывать в окно, чтобы проверить, действительно ли уезжают родители. Когда у края вашего газона торчат три телевизионных фургона, вы не станете открывать эту дверь от нечего делать. За последний год журналисты всевозможных новостных компаний тысячи раз фотографировали наш гараж изнутри. Вдруг для новостей пригодится.

Нет, размышлять не время.

К моменту, когда я услышала, как машина родителей выехала на улицу и набирает скорость, я успела распахнуть шкаф. Достала две спортивные сумки, уже упакованные, и коробку с книгами. По очереди перетаскала вещи вниз, в прихожую.

Затем, снова поднявшись, вынула из ящика стола прощальную записку и пристроила ее на середине кровати.

«Мама, папа, я перепутала время заезда. Оказывается, он начинается в три. Так что я уже еду. Позвоню вечером. Люблю вас. Ш.».

В короткой записке было столько полуправды, что даже не смешно. Но здесь, в «Каса Эллисон», все так и делалось. При надобности мы искажали правду. Так было всю мою жизнь, хотя мне и потребовалось семнадцать лет, чтобы понять, как далеко зашел обман.

Последним я отнесла вниз Джордана – так зовут мою гитару. Я никуда бы не поехала без нее.

Потом снова сбегала наверх, в последний раз заскочила в свою комнату. Сантименты тут ни при чем. Хотя комната, конечно, замечательная. Просторная, с красивой кленовой мебелью, – за последний год она стала для меня тюремной камерой.

Последняя задача: затолкать мое хоккейное снаряжение в гардеробную. Коньки, вратарскую клюшку, щитки. Я попрятала все в надежде, что мама не сразу их найдет. Решения, которые я принимала в эти последние недели, уже не раз доводили маму до истерики. Чем дальше я смогу оттянуть скандал из-за того, что бросила хоккей, тем лучше.

Закрыв дверь гардеробной, я подошла к окну и посмотрела между планок жалюзи. На газоне толкались три типа с камерами. Это противозаконно. Нельзя заходить в частные владения. Но копы в нашем городе плевать хотели на правила. Во всяком случае, когда речь шла о нашей семье. Если бы наш дом загорелся, я не уверена даже, что они удосужились бы его потушить.

Журналюги на газоне, наверное, болтали о спорте, или о погоде, или о чем они там говорят, когда нечего снимать. Один из них мусолил в руках колоду карт, вероятно, они сейчас рассядутся посреди газона на своих складных стульях и начнут резаться в покер.

Вот и чудненько.

В последний раз сбежав вниз, я распахнула дверь в гараж. Папин телохранитель, как всегда, закрыл ее перед тем, как уехать. Хоть какой-то толк от этого кошмарного типа. Родители называли его «наш шофер», но это было очередное иносказание. Никто не хотел вспоминать, зачем он нужен на самом деле.

Но человек, которого обвиняют в многократном насилии над детьми, чувствует себя безопаснее, если выходит из дому в сопровождении бывшего военного снайпера.

Как можно быстрее я запихала вещи в машину и постаралась закрыть дверь как можно тише. Села за руль, мысленно пересчитала свои пожитки. Сумочка с новенькими водительскими правами. Сумки с вещами. Джордан.

Но никаких хоккейных причиндалов.

Все правильно.

Я завела мотор и одновременно нажала на пульт, открывающий дверь гаража. Меня учили, что трогаться с места, не разогрев двигатель, – преступление. Но ситуация была безвыходной. Навороченный немецкий двигатель должен на этот раз меня простить, ведь мне необходимо застать их врасплох.

Как только мой спортивный джип смог пролезть в еще поднимающуюся дверь, я рванула по подъездной дорожке. Жаль, что фургоны телевизионщиков заслоняли от меня улицу. Так что пришлось приостановиться и убедиться, что горизонт чист.

Фотографы оторвались от карт, вид у них был нерешительный. Они только что видели папину отъезжающую машину и сфотографировали ее – вдруг он попадет в новости, а у них будет фото.

Но я-то для новостей не пригожусь, особенно в выходной по случаю Дня труда. Тем более когда я одна.

Я торопливо оглянулась – никто не схватился за камеру.

Удалось!

Я осторожно выехала задним ходом – столкновение с телевизионным фургоном не входило в план моего побега – и медленно поехала по родной улице. Позади оставались дома нашего чистенького университетского городка в Нью-Гемпшире, а мое сердце бешено колотилось.

Наконец-то удрала. Целый год я ждала этой минуты. Уехав тайком, я избежала спектакля «Наша образцовая дочь едет в колледж», который мама, проливая слезы, разыграла бы перед телекамерами. Мне надоело быть статисткой в постановочных фотосессиях для ВИП-персон.

К тому же, смывшись потихоньку, я отвертелась от прощания с папой. Даже до скандала наши отношения не были легкими. Мне он всегда казался суровым отцом из прошлого века, у него никогда не было для меня времени, если только я не стояла на коньках (в этом случае время у него находилось, но он оставался суровым).

Наши отношения и раньше были прохладными, но теперь превратились в антарктический лед. Прежде трудоголик, теперь он проводил все свое время в шезлонге, в кабинете, ставшем его убежищем. Я перестала заходить в эту комнату, где, казалось, воздух сгустился от гнева и молчания. Хотя иногда украдкой поглядывала на него. И пыталась угадать, действительно ли он делал все, в чем его обвиняли. И если да, то почему.

И как я могла так долго жить с ним под одной крышей, ни о чем не догадываясь.

В моей душе роилась куча неприятных вопросов. Но даже если бы я задала их вслух, вряд ли от кого-нибудь в этом семействе стоило ожидать правдивого ответа.

Набрав скорость, я окольными дорогами выехала на шоссе 91. Шеннон Эллисон оставляла в зеркале заднего обзора городок Стерлинг в Нью-Гемпшире. Но через девяносто минут в городке Харкнессе, штат Коннектикут, из машины выйдет Скарлетт Кроули.

«Скарлетт Кроули», – прошептала я про себя. Нужно будет научиться отзываться на новое имя. Наверное, это будет странное ощущение. Но если подумать, и

вполовину не так странно, как жить без хоккея.

Я начала играть в пять лет. Четырнадцать лет хоккей был моей жизнью. В одиннадцать я стала вратарем и проводила столько времени в воротах, что мне даже снилось, как я парирую броски.

Задача вратаря не только бросаться за шайбой. Необходимо видеть все поле целиком, смотреть, как разворачивается драма, прежде чем шайба полетит к воротам. Я научилась понимать, у кого сейчас шайба, по одному только положению плеч. Я изучала своих соперниц, предугадывая, кто сделает передачу, а кто – бросок. Я смотрела на поле, как шахматист на доску, – просчитывая несколько ходов вперед, готовясь к любым возможным результатам.

Наша школа выиграла три последних первенства штата. Подряд.

В семейной гостиной был выставлен целый ряд трофеев, подтверждающих мои вратарские достоинства.

И еще год назад я считала, что трофеи полностью заслужены.

Но, оказывается, я далеко не такая молодчина, как мне казалось.

Задача вратаря – предвидеть слабости защиты. Но в собственной жизни мне этого не удалось. Когда в нашу жизнь начали просачиваться гнусные истории об отце, это застало меня врасплох. Целиком и полностью. Как мощный удар в грудь, вся эта мерзость больно врезалась в меня, повалила на спину и лишила дыхания.

Теперь с прежней жизнью покончено. У меня был год, чтобы свыкнуться с этой мыслью, так что я давно излечилась от шока и возмущения. Оставался только «План Б». Не лучший вариант, но единственно возможный.

Два часа спустя я стояла на дорожке, выложенной каменной плиткой, в красивом дворе. Хотя мне было не до восхищения готической архитектурой и идеально подстриженными лужайками: сердце, казалось, сейчас пробьет дырку в груди.

Наверное, сегодня все первокурсники волнуются. Может быть, мои одноклассники боятся заблудиться или робеют перед встречей с соседями по комнате. Но меня-то больше всего пугало совсем другое. Вписала ли регистратура нужное имя в мои документы? А если нет, что мне делать?

Подошла моя очередь, и я, помалкивая и волнуясь, ждала, пока жизнерадостная старшекурсница перелистывала список студентов. Просматривая его, она тихонько повторяла мое новоиспеченное имя: «Скарлетт Кроули, Скарлетт Кроули, Скарлетт Кроули».

Я почувствовала, что взмокла.

Просмотрев середину списка, где должна была стоять моя фамилия, она заглянула на последнюю страницу. «Изменения и добавления», значилось там.

– А, вот ты где, – просияла она и протянула мне бумажку на получение студенческого билета. – Тебя потеряли, а потом нашли.

Я надеялась, что это именно так.

Получив новенькую глянцевую студенческую карточку-удостоверение, украшенную таким же новеньким именем, я отыскала дорогу в Вандерберг-Холл, вход А. Замок приятно щелкнул, когда я провела картой перед считывателем. Я сгребла сумки и поднялась по старой мраморной лестнице на два пролета, на третий этаж. На каждом этаже было по две комнаты, а между ними дверь, обозначенная как ванная. Испробовать ключ мне не пришлось – дверь комнаты номер 31 была открыта. Я сунулась внутрь и увидела двух девушек, склонившихся над противоположными краями яркого красного коврика.

– Привет, – произнесла я.

Две головы поднялись одновременно. Следующую минуту они беззастенчиво меня разглядывали. У одной из девиц были роскошные светлые волосы, у другой темные, собранные в задорный конский хвост.

– Привет! Я Кэти! – хором сказали они.

Да, имена запомнить будет нетрудно. Это уже неплохо.

– А я Скарлетт, – ответила я, вкатывая в комнату гигантскую спортивную сумку.

Но Кэти-Конский-Хвост с подозрением склонила голову набок:

– Нашу третью вроде бы должны были звать Шеннон?

– Произошли изменения, – сказала я. – Шеннон не приедет.

Конечно, ведь я оставила ее дома.

– А-а! – сказала Кэти-Блондинка. – А ты откуда, Скарлетт?

– Из Майами-Бич, – ответила я.

Контроль времени: я в комнате тридцать секунд и уже соврала два или три раза, смотря как считать. И каждая ложь размером с дом…

В три приема я перенесла в комнату багаж. Кэти не вызвались помочь. Вместо этого они украшали доски над своими кроватями фотографиями из дома и пытались решить, на какие тусовки, организованные для первокурсников, стоит идти.

Но я была слишком счастлива, чтобы обижаться на их безразличие. Комната находилась в роскошном старом величественном здании в форме буквы U. Нас с двумя Кэти поселили в трехместном блоке с крошечной спальней для Кэти-Конский-Хвост и второй комнатой побольше – для меня и Кэти-Блондинки. К тому же здесь имелась общая гостиная с деревянными панелями и кушеткой у окна, выходящего во двор.

Вообще-то это было довольно круто.

– Нам срочно нужен диван, – заметила Кэти-Беленькая. – Там во дворе продают подержанные.

– Отлично, я в доле, – согласилась я, чувствуя, что мой энтузиазм едва ли уместен. Но, проведя год в одиночестве, без друзей, я хотела одного: быть с девчонками. Мне от них ничего особенного не требовалось. Я не стремилась быть популярной или выдающейся. Просто стать одной из них.

Даже если для этого мне придется все время врать.

– Посмотрим по пути в столовую, – предложила Кэти-Блондинка.

– Отлично, – вновь согласилась я.

Час спустя вместе с обеими Кэти мы вышли из общежития и направились к Тернер-хаус. В Харкнессе студенты были распределены по двенадцати домам. Как в Хогвартсе, только без Распределяющей Шляпы. Все первокурсники, живущие в нашем крыле Вандерберга, – члены Тернер-хауса, но жить в здании Тернера мы будем только со следующего года. А пока мы живем с остальными новичками во Дворе первокурсников.

Проведя карточкой перед воротами Тернера, я снова услышала приятный для меня щелчок. Мне трудно было сдержать ликование, когда Кэти-Конский-Хвост распахнула отпертые ворота и придержала для нас створку. Скарлетт Кроули вошла. Друзья, мой побег удался.

Столовая в Тернер-хаусе отличалась старомодным достоинством. Сводчатый потолок высотой в два этажа, окна из свинцового стекла с мраморными подоконниками, а в торце – огромный камин. Вслед за Кэти я прошла в кухонную зону, где еще нужно было разобраться в многочисленных очередях и стойках самообслуживания.

– Ну, не так уж это и сложно, – сказала Кэти-Блондинка, когда мы нашли три места за одним столиком.

– У нас в школе столовая была не такая симпатичная, – заметила Кэти-Конский-Хвост. – Там всегда пахло сосисками.

– Фу, – согласилась Кэти-Блондинка. – А ты в какой школе училась, Скарлетт?

– Я была на домашнем обучении, – соврала я.

Все лето я сочиняла себе новую биографию. Я бы могла выдать какую-нибудь школу в Майами за свою, но вдруг я встретила бы кого-нибудь, кто на самом деле там учился? Вот бы был конфуз.

– Ух ты, – ахнула Кэти-Конский-Хвост. – А с виду вроде нормальная!

Я засмеялась. Если бы она только знала.

Ночью я внезапно проснулась, хватая ртом воздух. Поначалу я не могла понять, где я. Комната была незнакомой. И я еще находилась во власти того, что мне приснилось.

Этот сон повторялся уже год. Конечно же, я играла в хоккей. В этом не было ничего кошмарного. Но во сне я кидалась из ворот за шайбой, которая ускользала от меня. Публика вопила, желая, чтобы я отбросила шайбу подальше от сетки. Но шайба летела и летела и проваливалась в темную яму. И хотя крик вокруг становился все более требовательным, яма была темной и страшной, и я не хотела доставать оттуда шайбу. Что-то внутри меня сопротивлялось. В этот момент я всегда просыпалась вся в поту.

Убого, правда? Ведь воображение могло бы выдать мне что-нибудь поинтереснее, вроде бензопил, зомби или вампиров. Но сон был всегда один и тот же.

Я повернулась на узкой казенной кровати и услышала похрапывание Кэти-Блондинки.

Я дала двум Кэти затащить себя на пивную вечеринку за пределами кампуса, о которой они успели прослышать. Выпила теплого пива из пластиковой кружки, должным образом попрыгала под слишком громкую музыку. Смысл вечеринки был мне не вполне понятен, но по дороге домой Кэти подсчитывали добавленные в телефонный список номера – по паре десятков у каждой.

– А как тебе этот лакроссист с татушками? О господи, говорят, у него пирсинг… прямо там!

Взрывы смеха следовали один за другим. Похоже, обе Кэти из тех девчонок, которые В Курсе Дела. Они знали фамилию футбольного защитника, и к какому студенческому братству он принадлежит. Они знали, как называются здания тайных обществ, разбросанные по кампусу, – странные гранитные домики без окон («Их положено называть криптами», – многозначительно сказала Кэти-Блондинка).

Ясно было, что у этих Кэти больше общего друг с другом, чем со мной. Обе любят косметику «Сефора». Обе в школе играли в хоккей на траве. Обе фанатки группы «Марун Файв». И ЛОЛ, и ОМГ, и ХЗ.

Я им не завидовала. Вернее, не очень. Хоккей на траве? Да на здоровье! Но я остро понимала, что последний год воздвиг преграду между мной и остальным миром, и даже полная смена личности ее не разрушит. Выпав из жизни на год, я превратилась в наблюдателя, который только смотрит и думает. А прежде была деятельной и предприимчивой. То есть я была похожа на Кэти.

Чтобы развлечь себя, я попыталась представить, что будет, если я расскажу моим Кэти всю правду о себе. Какое выражение появится на их самоуверенных мордашках?

Так и так, дорогие Кэти, вовсе я не из Майами, хотя мы каждый год ездили туда на каникулы. Я из Нью-Гемпшира, там мой отец был известным хоккеистом и тренером. До моего рождения он выиграл Кубок Стэнли за Торонто. Когда я была маленькой, он тренировал защитников «Бостон Брюинз», а когда я пошла в детский сад, стал тренером университетской команды.

Если они не помешаны на хоккее, их лица к этому моменту будут заинтересованными, учитывая, сколько крутых спортсменов я должна иметь (и имею) в знакомых за все эти годы.

К тому же мой отец создал благотворительный фонд, чтобы дети из бедных семей во всей Новой Англии могли заниматься хоккеем бесплатно. Какая щедрость, не правда ли?

Особенно учитывая, что мой папаша был – и остался – сверхагрессивным мудаком. Но в хоккее за это только платят больше. Так или иначе, все у него – и у меня – шло гладко, пока около года назад мальчик из соседнего города не

решил покончить с собой.

Если бы я рассказала об этом вслух, лица Кэти начали бы хмуриться, независимо от того, читают ли они центральные газеты.

Этот мальчик – его звали Чед – оставил пред-смертную записку. А в записке он поведал миру, что мой отец регулярно насиловал его с тех самых пор, как Чеду исполнилось двенадцать.

На этом месте любая уважающая себя Кэти рванула бы от меня подальше. Ее изначально теплое отношение ко мне не выдержало бы такой бездны. И не важно, что о предполагаемых преступлениях собственного отца я узнала, как и все, из «Нью-Йорк таймс».

За этот прошедший год я поняла, что такое дурные новости. Они не приходят быстро, как в кино. Это не просто полночный телефонный звонок, не стук в дверь во время ужина. В реальной жизни дурные новости вязкая штука, они надвигаются медленно. Полночный звонок – лишь преддверие дальнейших прелестей. После него к дому подъедет один телевизионный фургон, потом два. Потом десять. И даже когда они уедут, это будет лишь временная передышка. Потому что потом еще три мальчика выступят с такими же заявлениями. И все начнется по новой.

Когда я сказала Кэти, что училась дома, мне почти хотелось, чтобы это было правдой. В прошлом году у меня осталась одна-единственная подруга. Всего один человек был на моей стороне, тогда как весь город отвернулся от меня. И хуже того. Не важно, что это не меня обвинили в преступлениях. Никто, кроме моей подруги Энни, не хотел сидеть рядом со мной. Я за весь год не была ни на одной вечеринке, ни на одном сборище, потому что была отверженной. Хоккейная команда проголосовала за отстранение меня от капитанства, хотя двумя неделями раньше меня выбрали единогласно.

Даже тренер стал отдавать предпочтение младшим вратарям (если только мы не проигрывали. Тогда он ставил меня без угрызений совести).

Год назад моего отца арестовали, предъявили обвинение в худшем, наверное, преступлении на свете. И пусть я ничего не знала – и до сих пор не знаю, что случилось на самом деле. Я была отродьем извращенца, из дома извращенцев. И

любой житель города рисковал запачкаться, если бы относился ко мне нормально.

Вот почему летом я пошла в мэрию и подала заявление на официальную перемену имени. А потом, получив документы, позвонила в приемную комиссию Харкнесса и сообщила свои новые данные.

Шеннон не стало, родилась Скарлетт.

Конечно, оставалась возможность, что меня узнают в лицо и выгонят. Тут я ничего не могла сделать, разве что изменить внешность до неузнаваемости. К счастью, в Харкнессе учился только один парень из моей школы. Он был на два года старше, и я почти не знала этого Эндрю Башнейгела – помнила только, что он порядочный ботан. А поскольку в Харкнессе на бакалавриате училось 5000 человек, а я никогда толком не общалась с Эндрю, риск был минимальным.

Собственно, выбора у меня не было.

У Скарлетт Кроули нет ни странички в Фейсбуке, ни аккаунта в Твиттере. Если погуглить мое новое имя, найдется очень мало. Существует только некая миссис Скарлетт Кроули, которая преподает алгебру в восьмом классе одной из средних школ Оклахомы. Ученики, похоже, от нее не в восторге, если посмотреть, что они пишут о ней в Твиттере.

Но если стоишь перед выбором, кем быть – зловредной училкой, которая любит задавать тесты без предупреждения, или дочерью самого известного в стране подозреваемого в педофилии, что лучше?

Я предпочту алгебраичку.

Глава 2. Привет, следопыт

Скарлетт

Отлично, колледж. Давай приступим…

Приятно было под сентябрьским солнышком идти на самую первую лекцию. Благодаря Дню труда занятия начинались во вторник, и я искала дорогу в аудиторию, где предполагались занятия по курсу «Введение в статистику». Курс был обязательным для начинающих медиков, и я слегка его побаивалась. Пристроив свою связку книжек на пол у свободного стула, я стала смотреть на студентов, заполняющих аудиторию, как будто по их виду могла определить, хватит ли у меня мозгов, чтобы изучать предмет. Есть ли среди них другие новички? Или тут сплошные математические гении?

Результат был неутешителен. Куча тощих парней с взъерошенными волосами. И ни одной Кэти на мили вокруг.

В конце концов мой взгляд уперся в широкие плечи за два ряда от меня. Они принадлежали исключительному красавцу с густыми темно-рыжими волосами. Пока я восхищенно разглядывала его, он обернулся, застав меня на месте преступления. Я опустила глаза в раскрытую передо мной тетрадь, но было уже поздно.

К счастью, в этот момент заговорил преподаватель. Все взгляды устремились вперед, на худого мужчину в накрахмаленной рубашке. Он представился. «Перейдем непосредственно к концепциям подсчетов и заключений. Начнем».

Сжимая ручку так, что костяшки пальцев побелели, я принялась конспектировать. Через час стало ясно, что к статистике в качестве гарнира следовало бы предлагать кофе. В то время как профессор рисовал очередной график на белой доске, мой взгляд вернулся к единственному интересному человеку в аудитории.

Его волосы были приятного теплого цвета – как темная карамель с оттенком кайенского перца. Он выглядел сильным, но не накачанным, как какой-нибудь футболист без шеи. На его грудь хотелось положить голову. Я с увлечением наблюдала, как вздрагивает мышца на его руке, когда он записывает, и тут он поднял голову и снова встретился со мной глазами.

Уф. Второй раз, черт! Как неловко.

До конца занятия я не отрывала взгляда от профессора. Едва лекция закончилась, я схватила свои шмотки и рванула наружу. Следующая лекция – теория музыки – была в трех корпусах отсюда, и у меня оставалось лишь несколько минут, чтобы туда добраться. Но зал оказался вовсе не там, где должен был быть, по моим подсчетам. Пришлось откапывать карту кампуса, чувствуя себя идиоткой-первокурсницей, каковой я, собственно, и являлась. Сориентировавшись, я бросилась в нужном направлении. Когда я добежала до двери, кто-то открыл ее передо мной.

Я выдавила запыхающееся «спасибо».

– Не за что, – произнес низкий голос.

Звучащее в нем веселье заставило меня поднять глаза. Ну конечно, он – медноволосый красавчик. За долю секунды я рассмотрела веснушки у него на носу, пришла в восторг и кинулась мимо него в лекционный зал.

На этот раз я села в первый ряд, чтобы не было искушения озираться.

Бриджер

Первые двадцать минут лекции по музыкальной теории все шло прекрасно. Профессор начал объяснять, как звуковые волны воздействуют на барабанные перепонки. Естественные науки мне всегда нравились, а материал был проще, чем химия, которую я изучал на выпускном курсе. Вперед и с песней!

Но потом лекция приняла другое направление. «Когда звуки организованы в музыку, и эта музыка проигрывается медленно и в минорном ладу, слушатель нередко чувствует грусть», – сообщил профессор. Он подскочил к музыкальному центру и включил трехминутный фрагмент из «Реквиема» Моцарта.

Зазвучала музыка, медленная и тихая. Когда она начала заполнять зал, а звуковые волны отражаться от деревянных стульев и свинцового стекла окон, волосы у меня на затылке встали дыбом. «Закройте глаза», – скомандовал профессор со своей кафедры.

Я подчинился, отдавшись на волю скрипок и хора, который пел на латыни. Музыка была жуткой и драматичной. Не поспоришь. И мое сердце отдалось на ее волю. Я чувствовал себя раздавленным – все из-за того, что услышал в записи пение, в первый раз прозвучавшее больше двухсот лет назад.

Если бы я пришел на этот курс год назад, то, наверное, не был бы так потрясен. Но теперь настали непростые времена. Будь моя жизнь фильмом, саундтрек к этому году был бы написан в зловещих тонах. И я ничего не мог поделать. Мне оставалось только проглотить все это и плыть по течению.

Пение закончилось, и профессор заговорил о темпе и ритме. Я записывал, стараясь справиться с возникающей на странице незнакомой терминологией. Меня никогда не интересовала классическая музыка. Но на данный момент лучших вариантов выбора не было, а мне для окончания курса требовалось больше занятий по литературе и искусству. Такой уж он, Харкнесс, здесь хотели, чтобы я стал чем-то большим, чем сухарь-естественник. И хоккеист.

Бывший хоккеист.

В конце недели мои товарищи по команде наточат коньки и явятся на каток. Они будут тренироваться, отрабатывать броски и спорить, какую потом лучше взять пиццу.

А что буду делать я? Лопать китайскую лапшу и ковыряться в расписании, которое сам себе составил, чтобы не запутаться в своих многочисленных делах. Этот год – сплошное испытание лекциями, и временной работой, и учебой. Еще и нянькой быть приходится.

И хранителем тайн.

Невозможно сосчитать все случаи, из-за которых я мог провалиться и погореть. Я мог потерять временную работу, мог заболеть. Моя сестренка могла заболеть. Мать могла вляпаться в криминальную историю. В общем, список километровый. И даже если ничего такого не случится, положение у меня шаткое. В колледже могли раскрыть мою тайну – рыжую тайну весом в шестьдесят пять фунтов – и указать мне на дверь.

Так что, даже сидя в просторном старинном зале, в пыльной тишине одного из старейших колледжей Америки, я был на грани.

За пару рядов от меня сидела девица, которую на статистике я поймал за разглядыванием моей персоны. Теперь она сидела, оперев голову на руку, так что ее блестящие волосы упали на один бок. Была видна сливочная кожа ее шеи, и если бы я сидел ближе, наверняка не удержался бы и потрогал – проверил на гладкость.

Перед ней лежал блокнот, и она строчила в нем так, будто от этого зависела ее жизнь. По этому рвению в первый день занятий я определил: первокурсница. Можно не сомневаться.

Год назад в это время я бы смотрел на девчонок-первокурсниц, как на шведский стол в буфете, только и думая, с какого блюда начать. В прошлом году мои соседи по комнате придумали хохму: «Какой тип девушек нравится Бриджеру?» Смеяться нужно было при ответе: «Тот, что шевелится».

Говорите что хотите, но у меня имелись причины быть таким… да, паршивым бабником, будем называть вещи своими именами. Ведь я уже предполагал, куда катится моя жизнь. Конечно, я не мог предсказать всего. Понятно было лишь, что катится она по наклонной плоскости, что мамаша уже купила себе билет в ад – в один конец. Прошлый год предоставил мне последний шанс побыть беззаботным гулякой. Я воспользовался им. И ни секунды об этом не жалею.

Так что вы должны простить мне то, что я пару раз загляделся на хорошенькую девчонку, сидевшую через два ряда от меня. Потому что это все, что я мог себе позволить.

После занятий я отправился в недавно отремонтированный студенческий центр, чтобы перехватить сэндвич и немного почитать. Только первокурсники и суперботаники начинали заниматься в первый же день. Но этот семестр обещал стать самым трудным в моей жизни, и нужно было менять привычки, чтобы дело пошло на лад.

Я уселся за единственный незанятый стол. Не успел углубиться в книжку, как увидел красотку с утренних лекций – она искала свободное местечко. Глаза как у косули, выбежавшей на проезжую часть, – очень типичное выражение для

новичков. Из кармана юбки, конечно же, торчал план кампуса. Я пригнулся почти до самого пола, расстегивая сумку и доставая учебник по теории музыки.

Досчитал до десяти. Потом выпрямился – как раз, чтобы увидеть, как девчонка движется к моему столу, сочтя его свободным.

Сработало за милую душу.

Когда я обнаружил свое присутствие, она встала как вкопанная в двух шагах от стола. Шея ее покраснела, и она захлопала глазами, очевидно, силясь сообразить, что делать дальше. «Черт побери. Опять он!» – читалось на ее лице.

– Да садись уже, – хмыкнул я, положив на стол сэндвич и книгу и указывая на свободный стул.

Секунда – и она поставила на стол контейнер с салатом и бутылочку диетической колы.

– Я тебя не съем, – сказал я. – Если только ты не индейка с капустным салатом и русским соусом на ржаном хлебе.

С пылающим лицом она села.

– Честное слово, я за тобой не следила.

Улыбаясь, я развернул сэндвич.

– Не сомневаюсь. Следопыты обычно так не пугаются, увидев того, кого выслеживают.

Она затрясла головой.

– Это просто… ничего такого. Странное совпадение.

– Ну, – сказал я, откусив от сэндвича. Она выглядела так мило с раскрасневшимися щеками. Интересно, чем бы еще я мог вогнать ее в краску?

– Ну… – Она взялась за вилку.

– Собираешься продолжать и статистику, и музыку?

– Наверное, – ответила она. – Только один из предметов будет в радость, а от другого я, похоже, сдохну. – Глаза у нее были необычного орехового оттенка. Настоящая красотка, но ничего от секс-бомбы. Выглядела она более серьезной, чем девчонки, на которых я обычно западал. Но ей это шло.

Не то чтобы я оценивал ее и все такое. Какой смысл?

Она сделала первый глоток колы и облизнула губы, розовый язык мелькнул, отвлекая меня от разговора. О чем я там? Ах, да. Занятия.

– У меня такая же история.

– Вот-вот, – подхватила она. – Со статистикой, похоже, шутки плохи, хотя она мне нужна – я же на подготовительном медицинском. А мне казалось, что справлюсь.

– Ага. – Я улыбнулся ей. – Значит, ты на первом курсе. И как идут дела?

– Сегодня второй день. Так что узнаю – расскажу.

– Соседки нормальные?

Она скорчила рожу.

– Могло быть и хуже.

– Смотри на это веселее. Через два года сможешь жить одна в комнате.

– Есть о чем мечтать.

Она стала ковырять салат.

– А ты? Будешь продолжать оба предмета?

– Конечно. Статистика – штука нехитрая. Просто раньше она у меня не влезала в расписание. Насчет теории музыки – не уверен. Мне нужно, чтобы занятия были во вторник или в четверг. И я думал, это простой предмет. Но теперь не уверен. Все эти интервалы и полутона. Профессор как будто забыл человеческий язык.

– Ты это серьезно? – Она откинулась на стуле, и ее майка слегка задралась. Я старался не смотреть на полоску гладкой кожи в районе талии. – Как это можно – в статистике разбираться, а в музыке нет?

– Мне кажется, что музыку можно испортить, если слишком вникать. Это как астрономия. Я когда-то любил смотреть на звезды. А теперь, когда смотрю, только и думаю, что это – красный карлик или белый гигант.

– Нет, так не должно быть, – сказала она. – Чтобы ты вдруг услышал любимую песню и стал думать: «Это бы звучало лучше в до миноре». Скорее наоборот. Ты услышишь то, чего не слышал раньше. И поймешь, почему перемена тональности в середине песни заставляет тебя чувствовать что-то новое.

– Тоже верно. Но некоторые вещи прекрасны независимо от того, понимаешь ты их или нет.

Она улыбнулась, и эффект был мощный. Из серьезной красотки она превратилась в ослепительную.

– Ну да, не важно, понимаешь или нет… Как живопись, да?

– Именно. Или как женское тело. – Я широко улыбнулся, выжидая. Точно – она снова покраснела.

Она сглотнула слюну.

– Но разве эти вещи не становятся еще лучше, если их понимаешь?

– Я об этом подумаю, Следопыт.

Она перевела на меня взгляд.

– Пожалуйста, не называй меня так.

– А что мне делать? Ты же не сказала, как тебя зовут.

Она покраснела еще больше.

– Ну да. Скарлетт[2 - Scarlet – алая (англ.).].

И сама вся заалела. Через стол я протянул ей руку. В конце концов, притвориться джентльменом я мог. – Рад познакомиться, Скарлетт. А я Бриджер.

– Бриджер. – Мы обменялись рукопожатием, и она нахмурилась. – Ты хоккеист, Бриджер?

– Допустим, бывший, – вопрос удивил меня. Я же не был звездой в команде. – А что? Ты хоккейная фанатка?

Ее лицо приблизилось к моему.

– Допустим, бывшая, – сказала она, передразнивая меня. – В последнее время хоккей приносит мне одни неприятности.

Я взялся за сэндвич.

– Может быть, неприятности тебе приносит хоккеист?

Ее улыбка была какой-то странной.

– Можно и так сказать.

– Ну, понятно. Слушай, давай договоримся. Если я буду утопать в музыкальной фене, ты бросишь мне веревку. А если тебе понадобится помощь со статистикой, посмотрим, что я смогу сделать.

Она снова выдала свою убийственную улыбку.

– Договорились, Бриджер. Но, кажется, для меня эта сделка выгоднее. – Она насадила на вилку оливку.

После этого Скарлетт несколько расслабилась. Я рассказал ей часть моей истории – пристойную часть. Рассказал, что учусь на предпоследнем курсе, что прохожу параллельно бакалаврскую и магистерскую программы по биологии.

– Думал пойти на медицинский, но вряд ли смогу перевестись, когда закончу. – Конечно, я умолчал об истинных неблаговидных причинах этого. – Надеюсь, что диплом магистра поможет мне быстрее найти работу.

– Звучит разумно, – заметила она.

– Посмотрим. От нагрузок я уже валюсь с ног.

Она сообщила, что родом из Майами-Бич, где я никогда не был. Конечно же, спросила, откуда я.

– Санни-Харкнесс, Коннектикут, – ответил я.

– Близко ездить, – отреагировала она.

– Конечно. Но иногда хотелось бы уезжать отсюда. А я будто мотаю пожизненный срок. – Черт возьми, с чего это я разнылся. Вообще-то я благодарил небеса, что учусь в Харкнесс-колледже. Большинство жителей городка не были здесь даже на экскурсии.

Мои часы запикали, напоминая, что пора забирать Люси из школы.

– Долг зовет, – сказал я, скомкав обертку от сэндвича. – Увидимся в четверг на лекциях?

Скарлетт улыбнулась мне – широко, будто солнышко выглянуло над берегом.

– Я приду, – сказала она.

Хоть какая-то радость.

– Классно. Пока. – Я подобрал свои манатки и выскочил из студенческого центра.

Глава 3. Кое-что въехало

Скарлетт

Первая неделя прошла без серьезных неприятностей. Я запомнила время обеда и разобралась, которая из библиотек какая.

Я выяснила, что все девять студентов в моей итальянской группе славные ребята, но преподаватель ужасный гад. Это была группа языкового погружения, так что в аудитории запрещалось говорить по-английски. И любое неитальянское словечко, вылетевшее изо рта студента, встречалось рычанием со стороны препротивного магистранта, который вел занятия.

– Ну… ой! – Маленькая девушка в квадратных очках, сидевшая напротив меня за большим переговорным столом, хлопнула себя по губам.

– EN ITALIANO! – рявкнул Эдуардо.

Я дружески подмигнула перепуганной девчонке, за что Эдуардо наградил меня злобным взглядом.

Давай-давай, болван. – В течение года на меня рявкал целый город. – Валяй, показывай худшее, на что ты способен.

Еще одно правило, принятое в колледже, я твердо усвоила в четверг вечером. Я зашла на час в библиотеку перечитать свой конспект по статистике. А вернувшись в блок, недолго думая, распахнула дверь в спальню без стука. То, что я узрела, пришлось долго осмысливать. На кровати Кэти находилось тело на

четвереньках. Но широкий голый зад, который я увидела, ни с чем не вязался. Я что, попала в чужую комнату? Нет. Но эти ягодицы не могли принадлежать стройненькой Кэти-Блондинке. И стоп… этот зад еще и волосатый?

Не одна, а две головы поднялись и увидели, как я пялюсь на них. Тут-то до меня дошло. Как можно скорее я развернулась и закрыла дверь снаружи. Не зная, что делать дальше, подошла к кушетке у окна и бросила сумку на пол. Глядя в окно, услышала два звука. Один из них был шлепаньем крупных дождевых капель о старинные стекла. Пока я смотрела в окно, небо потемнело, и дождь хлынул как из ведра.

Но вторым звуком, заглушавшим первый, было приглушенное, ритмичное кряхтенье парня, который вот сейчас…

Крак!

С треском я быстро распахнула окно, впустив в комнату шум и свежий запах дождя.

Хотя в спальне была не я, внезапно на меня на-хлынула необъяснимая волна стыда. Нет, я не младенец, и мысль о том, что мои сверстники могут заниматься сексом, не должна меня отпугивать. И все равно я была потрясена, как маленький ребенок, только что заставший в постели своих родителей.

Со мной такое в первый раз.

Нужно было подумать о чем-то другом, причем немедленно. На улице лил дождь, так что на прогулку не выйдешь. Я надела наушники и врубила плейлист из гитарных соло, которые надеялась разучить. И очень старалась не думать, чем там заняты в соседней комнате Кэти-Блондинка и Волосатый Зад.

Если подумать, я была в некотором смысле самой искушенной из первокурсниц. За прошлый год я прочитала о криминальных половых извращениях больше, чем кто-либо. Но здоровый секс девятнадцатилетних был для меня загадкой. Дома у нас никогда не говорили о сексе. Мы же уроженцы Новой Англии. Мы беседуем о спорте и о погоде.

Конечно, я знала основы репродуктивной деятельности человека. Из уроков анатомии и статей в «Космо», которые я почитывала в парикмахерской, мне была известна механика. Но отсутствовал контекст. Более того, я стыдилась своего любопытства. Но если в выпускном классе школы ты полностью оторвана от одноклассников, то нет никакой возможности выяснить, как это делается на практике. В то время как мои сверстницы были поглощены первой любовью и первым флиртом, я сидела в одиночестве в своей комнате и играла на Джордане.

Я не случайно назвала гитару мужским именем. Инструмент был для меня примерно тем, чем мог стать парень.

Жаль, что Джордана сейчас нет со мной, ведь я держала его под кроватью, а это всего в нескольких шагах от…

Ха-ха.

Час спустя, когда я все еще притворялась, что поглощена музыкой, дверь спальни открылась. Кэти проводила гостя в коридор и вернулась в гостиную. Устроившись перед кушеткой у окна, она раздраженно посмотрела на меня.

– Ты что, не видела моего флага?

Вытащив наушники, я перевела взгляд на дверь спальни. Точно, на ручке висит красная бандана. Так вот она зачем. Я-то подумала, что Кэти просто забыла ее там.

– Извини. Я не въехала.

Она хихикнула.

– Зато кое-что отлично въехало. – Она ушла в спальню, оставив меня с пылающими щеками.

Позже обе Кэти обсуждали перспективу танцевальной вечеринки в общежитии, на которую собирались идти. Но разразился кризис – обеим требовались новые чулки, при том что не было никакой возможности попасть в магазин.

Через дорогу на парковке стоимостью 300 долларов в месяц стояла моя машина. Но я и не подумала предложить их подвезти.

Настала суббота, и я выполнила повинность, которой все это время пыталась избежать. Я села в новую машину, которую мне купили родители, и поехала в соседний городок Орандж, по адресу, который узнала из справочника.

Подъехав к дому, я увидела в гараже машину и еще одну на подъездной дорожке. Значит, скорее всего, она дома.

Тренер Саманта Смит открыла дверь, едва я позвонила в звонок.

– О, Шеннон! – воскликнула она, широко улыбаясь. – Что тебя привело? – Она вышла на крыльцо. – Садись. Тут так хорошо, надо побыть на воздухе.

Я безрадостно уселась в кресло-качалку. На самом деле я приехала к тренеру домой, потому что невыносимо было бы прийти к ней на каток. Я бы наверняка расплакалась там.

– В общем, – я прокашлялась. – Я не буду играть. И хочу, чтобы вы знали об этом заранее.

По ее лицу видно было, что она удивлена, и удивлена неприятно.

– Но как же… – забормотала она. – Мы ж приняли тебя, несмотря ни на что!

И прикусила язык, сообразив, что этого говорить не следовало. «Несмотря ни на что» означало «несмотря на то, что твой отец был арестован и обвинен».

– И я вам очень благодарна, правда, – быстро проговорила я. – Многие команды отбросили меня, как горячую головешку.

С широко открытыми влажными глазами она ждала, когда я договорю.

– Но я не могу играть. Я люблю хоккей, но… – в глотке стоял огромный ком. – Я сменила имя, – выпалила я.

Она со свистом втянула воздух.

– Ну ладно… – Она покачала головой. – Я стараюсь понять… Но, Шеннон… – Она склонила голову набок.

– Скарлетт Кроули, – подсказала я.

– Скарлетт Кроули, мы намерены из кожи вон вылезти в этом году. И нам очень нужна поддержка в воротах. Ты же достаточно хорошо играешь…

– Знаю, – тоненьким голоском ответила я. – Но я не могу… Я уже не она. Я… прошу прощения.

Тренер подперла подбородок руками.

– Мне правда жаль, что ты так чувствуешь. Но, может быть, если играть, не обращая ни на что внимания, ты просто докажешь всем, кто ты на самом деле?

Такое хорошо звучит в книжках. Но тренер не пережила этот год так, как пережила его я. Она просто не представляла, как все паршиво.

– Извините, – прошептала я. – Я хотела играть у вас. Правда, хотела.

Она перестала хмуриться, теперь на ее лице была написана покорность судьбе.

– Мало кому из игроков я бы это сказала, Скарлетт. Но, если не потеряешь форму, приходи через год или два. Чутье мне подсказывает, что место для тебя у нас всегда найдется.

Я глубоко вздохнула.

– Спасибо вам, тренер. Спасибо.

Говорить больше было не о чем. Я поднялась и поехала назад.

Без хоккея, который занимал бы все мое время, я не знала, куда себя приткнуть. Хоть я и поклялась, что этот год будет не таким, как прошлый, я только тем и занималась, что сидела на кровати и упражнялась в игре на гитаре. Я уже почти научилась играть вступление к «Лайле» Эрика Клэптона, с которым мучилась несколько месяцев. И еще – снаружи не караулили никакие телефургоны. Уже прогресс.

К тому же я с нетерпением ждала вторников и четвергов. Они быстро стали для меня лучшими днями недели, потому что мы с Бриджером становились друзьями. Когда я приходила на лекцию по статистике, я всякий раз оглядывала аудиторию, чтобы убедиться, что он на месте.

А он всегда там был.

На статистике я всегда садилась на ряд впереди него. Иначе слишком велик бы был соблазн смотреть на Бриджера, а не на профессора. Но на мою оценку по этому предмету блуждание взора повлияло бы губительно. А я собиралась очень-очень хорошо учиться в Харкнессе. Колледж был частью моих жизненных планов, и я не собиралась эту часть провалить.

После статистики день становился еще лучше. Тщательно рассчитав время (вратарь такие штуки проделывать умеет), я всегда встречала Бриджера на пути в зал, где проходила теория музыки.

– Следопыт! Как думаешь, что сегодня будем слушать на занятиях? – спрашивал он.

Кроме ужасной клички, которую он мне дал, все в Бриджере мне нравилось. Я делала несколько предположений о том, что мы будем разбирать на теории музыки, изо всех сил стараясь не утонуть с головой в его зеленых глазах.

После занятий мы обычно вместе шли перекусить в студенческий центр. И потом еще какое-то время проводили вместе, помогая друг другу делать задания по общим предметам.

Я многое узнала от Бриджера. Узнала, что статистика вовсе не так страшна, как казалась, главное – разобраться в терминологии. А задания были гораздо интереснее, чем те, что я когда-либо делала по математике, потому что все

примеры были практическими, из жизни. На уроках статистики мир не был ни предвзятым, ни абстрактным. Любую тайну можно было разложить по полочкам, расчертить по графикам и объяснить.

Помимо премудростей статистики, я узнала, что у Бриджера бледные веснушки на тыльных сторонах ладоней и чуть кривоватая улыбка. И что, когда он откидывается на спинку стула, футболка обтягивает все рельефные мышцы на его груди.

Каждый раз, когда мы оставались после занятий, будильник в его часах звонил ровно в два десять. «Пора на работу», – говорил он, заталкивая учебники в рюкзак.

– А где ты работаешь? – как-то спросила я.

– Где я только не работаю, – был ответ.

Однажды звонок раздался как раз тогда, когда Бриджер объяснял мне Z-распределение.

– Блин, – сказала я. – А мы никак не можем продолжить попозже? – Вопрос был, конечно, чисто эгоистический. Я порядком запала на Бриджера, хотя и понимала, что он, скорее всего, игрок из лиги повыше.

– Если понадобится помощь, позвони, – сказал он. – Дай ручку. – Он нацарапал номер телефона на моем конспекте. – Но я могу заниматься с тобой только в это время.

Он подвигал плечами, влезая в куртку.

– Днем я время от времени варю кофе в дорогом кафе, по вечерам вожу автопогрузчик, а по выходным приходится поработать нянькой.

– Серьезно? – спросила я. – Работаешь на трех работах, да еще проходишь одновременно бакалаврский и магистерский курс?

– Нет покоя нечестивым.

Он бесцеремонно подмигнул мне и вышел из библиотеки.

Только раз я видела Бриджера вне временных рамок вторника/четверга. Однажды в теплую субботу на стыке сентября и октября я отправилась на пробежку. Пробежав четыре мили, решила перестать издеваться над собой и чего-нибудь попить. Пытаясь отдышаться на задах маленького фермерского рынка на Чепел-стрит, я рассматривала витрину с прохладительными напитками и тут услышала знакомый голос.

– Не думаю, Люси, – говорил Бриджер своим мягким баритоном. – Крекеры с зайкой вдвое дороже тех, что мы обычно покупаем. Может быть, в другой раз.

Обернувшись, я успела увидеть, как они дошли до конца ряда и скрылись из виду.

Конечно, неудивительно, что Бриджер был с девчонкой. Но в этой девчонке было четыре фута росту, а на голове у нее – розовый велосипедный шлем. И хотя я видела ее только мельком, из-под шлема явно торчал каштаново-рыжий конский хвост.

Бриджер говорил что-то о работе нянькой. Но эта девочка явно родственница. Мне ничего не стоило догнать их и поздороваться. И я уж было собралась. Но после пробежки была вся потная. И, самое главное, мне не хотелось, чтобы он подумал, будто я следила за ним. Так что я продолжала изучать банки с напитками. Когда я наконец выбрала одну, заплатила и вышла из магазинчика, их и след простыл.

Бриджер

Сентябрь я пережил без неприятностей, но причин для радости не было. Моя жизнь напоминала карточный домик. Каждое утро, просыпаясь, я думал: не сегодня ли подует тот легкий ветерок, от которого все рухнет.

Занятия. Люси. Работа. Все то же самое по новой. Да, и еще тревога. На нее всегда хватало времени. Вот такая у меня жизнь. Всего две недели прошло, как приятели перестали заваливать меня эсэмэсками. Поскольку я не реагировал на

их новости и приглашения, неудивительно, что все наконец отстали.

Все, да не совсем. Хартли слал сообщения каждый день, я не отвечал, но чувствовал себя при этом последним поганцем. В среду в конце октября он заявился в кофейню в мою смену.

– Засранец, – сказал он, облокотившись о прилавок. – Где ты, нахрен, шляешься? И почему не отвечаешь на сообщения?

– Работаю, – быстро ответил я.

Он минуту помолчал, разглядывая меня. Черт возьми, мы ведь не виделись с самого заезда.

– Совсем хреново, Бридж?

Черт возьми, он попал в точку. Я быстро исчерпал свой короткий список отговорок; крыть было нечем.

– Почему ты столько работаешь, что даже не ходишь в столовую обедать? – продолжал допрос Хартли.

Я, похоже, вздрогнул. Мы с Хартли дружили уже давно. Много лет вместе играли в хоккей. Даже в прошлом году, когда Хартли выбыл из команды из-за травмы, мы очень тесно общались. И никакие отговорки на свете не убедят его, что моя жизнь не катится под откос. Все меня знали не только как зубрилу, но и как тусовщика. А мой новый режим был таков, что я с июля не появлялся ни на одной тусовке.

– Привет, Хартли!

Друг повернул голову и увидел, как моя сестрица машет ему из-за столика, куда я усадил ее с двумя булочками и книжкой про Нэнси Дрю в бумажной обложке.

– Люси! Как дела, барышня? – Он направился к ней, чтобы дать пять.

Я спасен восьмилетним ребенком. Хартли не сможет пытать меня о моей так называемой жизни, пока в разговоре участвует Люлю. Если она сама не проболтается, все будет в порядке.

Мне даже думать не хотелось, сколько секретов я просил Люси хранить в этом году. Вряд ли для психики третьеклассницы двойная жизнь полезна. Но выбора не было.

Мне пришлось приготовить три эспрессо с финтифлюшками для каких-то студенток, прежде чем мы с Хартли смогли возобновить разговор.

– Тебе кофе или ты просто зашел посмотреть на мое прелестное личико? – спросил я.

Он ухмыльнулся.

– Можно маленький, французской обжарки? – Хотя у Хартли в кошельке сейчас побольше денег, чем раньше, он не оставил своих привычек голодранца. У нас с ним с детства работает инстинкт: выбирать из меню самое дешевое. В столовой – суп. В забегаловке с фастфудом – меню «все за доллар».

Маленький, французской обжарки.

– Как Тереза? – спросил я, наливая ему кофе. – Все еще жалуется, что нужно делать домашние задания?

Хартли заулыбался.

– Да, забавно слушать, как она ноет из-за контрольной работы.

Мать Хартли только что поступила в школу медсестер. Двадцать лет она, мать-одиночка, билась как рыба об лед и теперь занялась собой.

Я любил Терезу и несчетное количество раз вваливался к ним в дом. Я думал о том, что надо бы позвонить матери Хартли и попросить взять Люси к себе. Блин, я думал об этом каждый день. И знал, что она согласится. Но тогда она бросит свою школу ради того только, чтобы вытащить нас. А этого я допустить не мог.

– А твоя мама как? – спросил Хартли, отхлебнув кофе.

Я был готов к этому вопросу.

– Все так же, – ответил я.

Хотя это было вранье чистой воды. Потому что с лета все стало намного хуже. Ее пристрастие к наркоте и жуткие дружки заставили меня забрать у нее Люси. А сейчас я даже толком не знаю, что там у нее делается. Я не виделся с ней несколько недель.

И Люси тоже.

Хартли пристально рассматривал меня.

– Люси часто бывает у тебя? – спросил он.

– Не очень, – соврал я. – Она по средам на продленке, а сегодня почему-то занятия отменили. Я сказал матери, что могу взять ее с собой в кофейню. Ну а как в этом году команда?

Вот как отчаянно я старался уйти от разговора о Люси – даже готов был говорить о хоккее. Ведь именно из-за этого я месяц избегал своих друзей. Все темы для меня были болезненными.

Теперь поморщился Хартли:

– Команда лучше некуда, честно. Жаль, тебя там нет. Молодняк не понимает моих шуток. К тому же половина не говорит по-английски.

– Фу ты.

– Именно. Тренер заманил к нам кучу канадцев, которым надоело сидеть на скамейке запасных в команде полупрофессионалов. Всем двадцать один год, и все говорят только по-французски. Не знаю, как они будут сдавать экзамены, если деканат не вмешается. Но на коньках стоят.

Я оперся локтями о стойку.

– И каково должно быть нам, парням из Коннектикута? Если Лига Плюща незаконно тащит к себе легионеров.

Хартли пожал плечами и положил на стойку два доллара.

– Может быть, наши с тобой лучшие деньки уже прошли.

– Может быть. Но твой последний сезон мог бы быть довольно интересным. – Хартли был на курс старше меня.

– Посмотрим.

– Как Каллахан? – Подружка Хартли была и моим хорошим другом. Черт, как же мне их обоих не хватало.

– В порядке. Я не говорил тебе, что в этом году она менеджер женской команды?

– Без дураков? Вот это круто. – Каллахан раньше тоже играла в хоккей. Пока травма не приковала ее к костылям на всю жизнь.

Хартли пожал плечами:

– Она, похоже, в восторге. Женская команда в этом году тоже хороша. Только летом от них сбежал вратарь.

– Елки. Эту позицию не так легко заполнить.

– Знаю. Эта девчонка – дочь Эллисона. Помнишь, того тренера, которого арестовали за… – Хартли прикусил язык как раз вовремя, бросив через плечо виноватый взгляд на Люси. Но Люси, забыв обо всем на свете, читала свою книжку.

– Ага. Мерзкая история. Я не знал, что у него есть дочь.

– Она должна была в этом году стоять на воротах. Но не приехала. Да, кстати… – Хартли посмотрел на часы. Ему пора было на тренировку. Черт, как бы я хотел пойти с ним. Он перегнулся через стойку и ткнул меня кулаком в плечо. – Позвони, ладно? А то я выслежу тебя и силой затащу на вечеринку.

Как бы не так.

– Хорошо, позвоню.

Еще одна ложь.

В пятницу утром я удрал с лекции по нейробиологии, чтобы выполнить обязанность, которой давно старался избежать. Я выехал на велосипеде из кампуса, проехал мимо начальной школы, в которую ходила Люси. Она где-то там внутри, учит дроби и правописание. Все эти дни я проверял ее домашние задания и в программе третьего класса знал толк. Чем дальше я отъезжал от кампуса, тем меньше становились дома. Заехав на велосипедную стоянку на улице моего детства, я приблизился к нашему дому. На подъездной дорожке стоял незнакомый автомобиль. А входная дверь была открыта настежь.

Я затащил велосипед под навес и стал наблюдать за домом.

Через несколько минут оттуда появился какой-то тощий мужик с ящиком в руках. На нем была джинсовая куртка явно с чужого плеча, волосы давно не мыты. Он поставил ящик на заднее сиденье автомобиля. Потом снова поднялся на крошечное крыльцо и заговорил с кем-то в доме.

Потом я увидел, как изнутри выползла мать, и при виде ее мое сердце сжалось.

Он вел ее под руку. Но она все равно шла нетвердо. На ней была мятая, мешковатая одежда, волосы растрепаны, выражение лица совершенно пустое.

Блин.

Немытый засранец затолкал ее на пассажирское сиденье. И они уехали вдвоем. Когда машина проезжала мимо меня, я отвернулся и стал изучать автобусное расписание так, будто в нем были записаны тайны вселенной.

Даже после того, как автомобиль скрылся, я несколько минут не двигался с места. Я смотрел на дом и гадал, кто еще может оказаться внутри. Но у меня был всего час, а в доме, похоже, все спокойно. Так что я вместе с великом двинулся по подъездной дорожке, прислонил его к стенке, чтобы с улицы не было видно. Нащупывая в кармане связку ключей, я увидел, что в задней двери поблескивает новый замок. Какого дьявола? Я подергал дверь. Заперто.

Холодный ужас расползался у меня внутри, пока я дергал ручку кухонного окна. Школьником я частенько попадал домой таким манером, если забывал дома ключи. Подоконник был на уровне груди, потому что под ним находилась раковина. Но я еще не так плох, дамы и господа. Подтянуть задницу вверх могу без особого труда.

Первым делом мне в нос ударила вонь.

Бог ты мой, на кухне смердело. Стол был завален мусором, раковина – грязной посудой. Я опустил ногу на стол и спрыгнул.

Мое сердце чуть не остановилось: мимо что-то пробежало.

Крыса. Всего лишь крыса.

Минуту я стоял с колотящимся сердцем. Еще не так давно кухня была безупречно чистой. Я частенько являлся таким путем субботними вечерами, когда мне давно полагалось быть дома. Тогда здесь могло пахнуть, на худой конец, сигаретным дымом – отец никогда не бросал курить. Но все поверхности блестели в лунном свете, в то время как я на цыпочках крался в свою комнату. Я слышал, как отец пилил дрова для камина по его сторону кровати. Мать иногда засыпала в гостиной, и тогда телевизор смотрел на нее, а не наоборот. Я тряс ее за плечо, пока она не просыпалась – она смотрела сквозь пальцы на мои поздние возвращения. Папа был еще жив, его фургон стоял на подъездной дорожке. «Макколли. Сантехника и отопление», гласила надпись на стенке.

Меня окружили призраки лучших времен. Я глубоко вздохнул, пытаясь прогнать их. Но только набрал полные легкие вонючего воздуха.

Дерьмо.

Я перешел из кухни в столовую. Тут воняло слабее, но от этого было не легче. Потому что обеденный стол был уставлен странными приспособлениями. Здесь стояло в ряд несколько стеклянных банок и два баллончика с пропаном. На полу валялась куча смятых коробок, некогда содержавших упаковки с лекарством от аллергии, продававшимся без рецепта.

Кто-то тут поработал, изготовляя что-то противозаконное и опасное. Моим первым побуждением было выхватить телефон и все это сфотографировать. Но я тут же спохватился. Я не хотел иметь к этому отношения.

Оставив все как было, я двинулся в спальни. Я знал, что в моей ничего стоящего не осталось. Так, некоторые сентиментальные штучки. Правда, когда я вошел, то увидел, что в моей коробке с сокровищами, которую я хранил в тумбочке с девяти лет, рылся какой-то жадный говнюк. Но внутри было только несколько фотографий. Я сунул их в нагрудный карман хоккейной куртки и вышел. Комната Люси выглядела немногим лучше. Судя по запаху, в ней кто-то ночевал. На полках оставалось еще много книжек и игрушек. Но я не мог все унести в кампус. Я сунул под мышку коробку с томиками «Гарри Поттера». Потом открыл шкаф и сгреб с полки стопку свитеров. Из кармана джинсов я достал принесенный с собой пластиковый пакет. Засунул в него пять свитеров, и он так раздулся, что ручки едва сходились.

На зиму ей понадобятся пальто и ботинки. Что еще? Длинные панталоны. Теплые носки. Все это придется купить. В прошлогоднее она вряд ли влезет. К чертовой матери. Пора отсюда выметаться.

Через тридцать секунд я вышел из задней двери, оставив ее незапертой. Сел на велосипед и поехал с пачкой книжек под мышкой и пакетом, висящим на запястье другой руки. Я доехал почти до самого дома, когда произошедшее наконец до меня дошло. Стало так грустно, что я остановился напротив больницы, слез с велосипеда и уперся руками в колени.

Я знал, что все кончится плохо. Шесть недель назад я выкатил из гаража велосипед Люси и велел ей ехать со мной. Мы сложили в рюкзаки кое-какие ее вещи. И уехали вдвоем. Забрав Люси, я как будто дал матери разрешение опускаться на дно. И она им воспользовалась.

Шесть недель. И хоть бы раз она позвонила и спросила, в порядке ли Люси. Какая она мать после этого? Так что я понимал: тут безнадега полная. Но… Бог ты мой. Этот дом. Эта вонь.

В мыслях я начал прокручивать уже привычные «А что, если…».

А что, если я притворюсь, будто в дом вломились грабители? Если сейчас же вызову полицию? Обо всем этом я уже думал, так что единственный ответ пришел быстро.

Не выйдет. Что бы я ни попытался сделать, чтобы спасти маму, Люси в результате попадет под опеку. Даже если я всю ночь буду гуглить «лечение от наркомании в Коннектикуте» – другой семьи у нас нет. Если мама попадет в больницу – или в тюрьму, – Люси назначат посторонних опекунов. А этого я не мог допустить.

Невозможно спасти всех, напомнил я себе. Беда в том, что я едва ли могу спасти хоть кого-нибудь. Даже себя самого.

Я выпрямился, заставил себя сделать несколько глубоких вдохов. Сегодня пятница. Через сорок минут у меня лабораторная по биологии. В кофейне моя смена. А в пять нужно забрать Люси из группы продленного дня. У нее что ни день другое расписание, и у меня тоже. Я написал себе график, чтобы успевать всюду. Это я умел.

Если, конечно, все шло как положено.

Я снова сел на велик и поехал к кампусу. В выходные я отведу Люси на футбольную секцию в парк, а потом мы вместе пойдем есть пиццу. Потом сделаем домашние задания, каждый свое. Потом начнется новая неделя, с ее распорядками и сроками.

А во вторник я увижу Скарлетт. Это была радостная мысль – Скарлетт с ее точеными скулами и задумчивыми глазами орехового цвета. Я снова сделал глубокий вдох и попытался выпихнуть стресс из легких вместе с воздухом. Почти сработало.

Глава 4. Если хочешь насмешить бога

Скарлетт

Одним суматошным октябрьским утром телефон зазвонил в самый неподходящий момент. И я – дура! – ответила.

– Шеннон, – прошипел мне в ухо голос матери.

Прежнее имя уже казалось мне чужим.

– Что такое, мам? Я опаздываю на занятия. – Я проспала, и статистика уже начиналась без меня. Прижав плечом телефон к уху, я раздирала волосы щеткой.

– Куда бы ты там ни опаздывала, Шеннон, то, что я тебе должна сказать, важнее.

Вздохнув, я села на кровать.

– Так говори уже.

– И не надо грубить. Адвокатам отца нужно с тобой побеседовать.

– Нет, – сразу ответила я. – Не стану.

Слышно было, что мать разозлилась.

– Дорогая, станешь. Мы даже не просим тебя приехать сюда для встречи. Они сами приедут к тебе, и вы пообщаетесь где-нибудь в переговорной. Это займет всего пару часов. Ответишь на их вопросы, и все.

– Я не буду отвечать ни на какие вопросы, – настаивала я. – Этот суд не имеет ко мне никакого отношения.

– Шеннон! Ты не можешь сделать такую мелочь для отца, который вырастил тебя? У тебя нет ни одной причины на свете, чтобы отказаться помочь. – Мамашин голос зазвучал, по обыкновению, визгливо.

– Мам, если это так важно, почему бы папе самому не попросить?

От ее вздоха краска могла посыпаться со стен.

– Он не обязан просить свою единственную дочь о помощи. Мы семья, а в семьях поступают именно так. Тебе бы сидеть тут с нами на кухне и думать о добровольной помощи. А ты меняешь имя и уезжаешь из штата. Как, по-твоему, это выглядит?

Это выглядело, как поступок человека, доведенного до отчаяния. Но матери этого не объяснишь, потому что ей все равно. Ей наплевать, что вся команда повернулась ко мне спиной. Ей наплевать, что на моих учебниках писали непристойности, что в своем шкафчике в спортзале я находила… то, что полагалось смывать в унитаз. От одного воспоминания к горлу подступала тошнота.

Но это же моя мамаша – ее волнует только «как это выглядит со стороны». Ей наплевать, что моя жизнь стала невыносимой, главное – внешняя благопристойность.

– Ты ответишь на их вопросы, – повторила мама.

– От моих ответов не будет никакого толку.

– А это не тебе решать.

– Мам, – сказала я, и мой голос дрожал. Никто, кроме нее, не мог так обозлить меня. – Я не могу участвовать в процессе. Мне нужно учиться, получать хорошие оценки, жить дальше.

– Ты просто эгоистка, Шеннон. Никто из нас не может жить дальше, пока отец не выйдет из этого дерьма с высоко поднятой головой.

Это потом я соображу, что из уст матери вылетело грубое словцо, и буду несколько шокирована. Но тогда я просто онемела, услышав последовавшую угрозу:

– Неужели, по-твоему, если отец проиграет дело, у нас будут деньги на оплату твоего следующего курса в университете? Тебе кажется, что ты от всего сбежала. Как бы не так. Ты ответишь на вопросы, иначе, если плата за обучение не поступит, я не виновата.

Понимание моего истинного положения камнем легло мне на сердце. Я никогда не выпутаюсь из того, что натворил мой отец.

Может быть, натворил.

Вероятно, натворил.

О господи.

После разговора я не выбежала из комнаты сразу же, хотя, наверное, надо было. Вместо этого я начала гуглить «принуждение к даче показаний» и «дети обвиняемого». Я не имела представления, требует ли закон, чтобы я общалась с адвокатами и можно ли принудить меня выступить свидетелем. Некого было спросить, никто не мог сказать мне правды.

Телефон снова зазвонил, и я взяла его, будто ядовитую змею. Но звонила не мама и не адвокат. А Бриджер.

– Алло! – сказала я охрипшим голосом.

– Следопыт! Где тебя носит? Заболела?

Я прокашлялась.

– Нет, я здорова. Это просто… семейная драма. Я потратила все утро на разговор с мамой. Но ничего страшного.

– Хм, – сказал Бриджер. – Интересно, а где ты возьмешь конспект лекции?

– Бриджер, – в первый раз за сегодняшний день я улыбнулась. – Может быть, какой-нибудь добрый человек со мной поделится?

– Ты и ланч пропустила?

– Похоже на то.

– Плохо. Я принесу тебе сэндвич. Тебе с чем?

– Это необязательно. – Я спотыкалась на каждом слове. Но, конечно же, я хотела, чтобы Бриджер принес мне сэндвич. Сногсшибательная мысль.

– Какие ты любишь? Я еще не в курсе, так что дай наводку. С индейкой? Итальянский?

– Возьми тот, что тебе приглянется, – быстро ответила я. – И булочка бы не помешала.

– Я приду через десять минут, – сказал он. Первокурсники из дома Тернер живут… кажется в Вандерберге? И ты мне покажешь гитару, о которой рассказывала на той неделе.

Он дал отбой.

Следующие двадцать минут я носилась по комнате, пытаясь прибраться. В гостиной был относительный прядок, но нужно было убрать постель и затолкать кучу шмоток Кэти-Блондинки под ее кровать.

Телефон загудел, пришла эсэмэска от Бриджера: «ТУК-ТУК».

Я сбежала по лестнице и открыла входную дверь:

– Привет!

Он вошел с коробкой еды навынос в руках.

– Привет, Следопыт. – Его зеленые глаза изучали меня. – Все нормально?

Черт возьми, нужно было привести в порядок не только комнату, но и себя. Судя по тому, как он на меня смотрит, глаза у меня наверняка красные.

– Конечно, – сказала я, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно. – Входи. Спасибо, что принес ланч.

И он на самом деле вошел в мою спальню. Прежде такое случалось только в посещавших меня в последнее время фантазиях. Я чуть было не уселась в гостиной, но сообразила, что какая-нибудь из Кэти может появиться в любой момент. А мне не хотелось делить с ними внимание Бриджера, потому что я ведь наверняка проиграю. Поэтому я решительно прошла через гостиную прямо в спальню, как будто только и делала, что принимала у себя парней.

Похоже, Бриджеру это не показалось странным. Он сбросил куртку, сел в изножье мой кровати и поставил коробку с едой на чемодан Кэти-Блондинки.

– Давай поедим. – Я уселась на кровать Кэти, чтобы все выглядело не так дико. Он открыл коробку. – Сегодня были с курицей и авокадо, – сказал он.

– Очко в твою пользу.

– Именно. – Он расстелил на коленях салфетку. Взял две половинки сэндвича и протянул коробку мне.

– О-о, стучим клюшками! И чипсы не забыл! – сказала я.

Улыбаясь, он быстро взглянул на меня.

– На здоровье.

Тут только я сообразила, что произнесла хоккейное словцо. «Стучать клюшками» – это выражение благодарности, понять которое может только хоккеист. Блин! Мать сегодня выбила меня из колеи. А ведь в первый день я тоже чуть не прокололась, когда дала понять, что имя Бриджера мне знакомо по командному списку.

– Спасибо тебе, что принес ланч, – повторилась я.

– Не за что, – ответил он вдруг охрипшим голосом. – С тобой все будет в порядке? Ни о чем не хочешь поговорить?

Я помотала головой.

– Никто не умер, если ты об этом. Просто так… драма. И хорошо, что за много миль отсюда.

– Понятно, – он наклонился, чтобы утащить из коробки несколько чипсин. – Знаю, что такое драма. У каждого своя.

Минуту мы молча жевали, и я было решила, что Бриджер готов оставить тему. Но не тут-то было. Он снова заговорил, голос звучал невесело:

– Весь этот год я из кожи вон лезу, чтобы одолеть драму. А на той неделе пришлось сдаться.

– Ну а теперь как? – спросила я. Мы говорили приглушенными голосами, будто признавая таким образом, что это не обычная болтовня. – Потому что, если ты знаешь приемы, как все это преодолеть, я вся внимание.

Он прокашлялся.

– Я знаю один прием: понять, что нет никаких приемов. Если уж влип, нужно непрерывно продираться изо всех сил.

– Значит, я все делаю неправильно.

Он издал резкий смешок.

– Почему?

– Ну… – я откусила очередной кусочек. – Я всегда любила все планировать, чтобы знать, чего ожидать. Но в прошлом году это оказалось невозможным, и я

так и не пришла в себя.

– Есть поговорка: если хочешь насмешить бога, расскажи ему о своих планах.

– Мне нужно было ее вытатуировать на собственной персоне.

– А на какой части твоей персоны? – В его зеленых глазах загорелась искра, и я искренне надеялась, что это приглашение к флирту.

Может же девушка помечтать.

– Ну, – сказал он, когда ланч был съеден, – и где гитара, о которой я столько слышал?

– Убери ножищи, и я тебе покажу. – Я вытащила Джордана из-под кровати и раскрыла футляр.

Мне вдруг пришло в голову, что я не могу назвать Бриджеру имя гитары. Потому что я назвала Джордана в честь самого крутого игрока НХЛ. И этот настоящий Джордан – рыжий. Совсем как Бриджер.

Улыбаясь про себя, я села рядом с Бриджером на кровать, положила гитару на колени и повернулась к нему.

Он протянул руку и провел пальцами по струнам. Каждая при его прикосновении издала водянистый звук.

Я улыбнулась.

– Будь мужчиной, Бриджер. Вот так. – Я ударила по струнам, и их звучание заполнило комнату.

– Ты, кажется, назвала меня слабаком? – Нефритовые глаза посмотрели на меня с вызовом, он снова потянулся к гитаре и с силой дернул одну струну.

– Вот молодец. – Мне давно не было так весело. – Да, я ведь обещала объяснить тебе интервалы. Ты сейчас сыграл на струне D. Это нота ре. Пропой ее вместе со мной. – Я пропела ре.

– Господи, Следопыт. Ты не говорила, что придется петь.

– Всего одна нота. Давай, пропой-ка мне ре.

Уши у него покраснели. Но он пропел ноту со мной.

– Вот! Видишь, ничего сложного.

– А теперь поднимемся на октаву. – Я пропела ре следующей октавы, но у Бриджера сорвался голос.

– Мужчина не может пропеть эту ноту, – заявил он.

– Чушь. Эрик Клэптон может. А уж он-то настоящий мужчина. Но не важно – ты ведь слышишь, что это та же нота октавой выше? Но все равно ре?

– Конечно, слышу.

– Отлично. Видишь эту точку? – Я указала на гравировку на грифе. – Она делит струну ровно пополам, от нижнего порожка до колка. Сначала послушай… – Я сыграла на открытой струне. – Теперь положи палец сюда.

Бриджер прижал палец к струне там, где стоял знак разделения надвое, а я снова ударила по струне. Она зазвучала октавой выше.

– Ре-е-е…» – пропела я и убрала его палец с отметки лада. – Ре-е-е, – я пропела более низкую ноту. – Половина струны, половина диапазона колебаний. Теория музыки – просто раздел математики.

Наступила тишина. Он смотрел на меня.

– Это очень круто, Следопыт. И гораздо понятнее, чем в нашем дурацком учебнике. А теперь я должен услышать, как ты играешь.

– Играю… что?

– Какую-нибудь песню. Хочу послушать.

– Э-э-э… ну, допустим. Если ты сделаешь мне маленькое одолжение.

Он скрестил руки на груди, и я сразу отвлеклась на выпуклые мышцы его предплечий.

– Одолжение? И чего же это будет мне стоить?

– Ну… ты можешь перестать называть меня Следопытом? – Я понимала, что глупо возражать против клички, которой он меня наградил. Но из-за событий прошлого года я болезненно реагировала на все, что казалось мне хоть как-то связанным со слежкой.

Он поднял брови.

– Конечно. Это все?

Я кивнула.

– Без проблем, мисс Скарлетт. Сыграй мне песенку.

Мои ладони слегка вспотели, пришлось вытереть их о джинсы. Причин беспокоиться не было: я ведь провела столько часов, без сна и отдыха вынимая душу из гитары. Когда в школе с тобой никто не разговаривает, а дома разыгрывается полновесная драма, лучше всего проводить время, занимаясь музыкой. Но мне хотелось произвести впечатление.

Я прокашлялась:

– Ладно. Что тебе нравится? Назови жанр.

Его улыбка осветила всю комнату.

– Классический рок?

Я повесила гитару на шею, проверила настройку и заиграла Sweet Home Alabama группы «Линэрд Скинэрд». Я знала, что эта песня с яркими вступительными переборами будет звучать впечатляюще. И я играла ее, наверное, тысячу раз.

Я не спускала глаз с грифа не потому, что мне нужно было смотреть, а от смущения. Но после первых же аккордов успокоилась, музыка меня поглотила.

Доиграв песню, я подождала, пока стихла последняя нота. И уже не могла избежать того, чтобы взглянуть на него. Бриджер смотрел на меня широко открытыми глазами, темно-зелеными, цвета морской волны перед штормом.

– Черт возьми, Скарлетт, – прошептал он. – Ты меня поражаешь.

Щеки меня не подвели – запылали в момент. Я стала снимать с шеи гитару. Но так неуклюже, что ремень запутался у меня в волосах.

– Ох, – я выругалась.

Бриджер протянул руку, чтобы помочь мне выпутаться, а я почувствовала, как в его глазах падаю от «возможно, крутой» до «тетехи». Но, не успев из-за этого толком расстроиться, я заметила нечто странное. После того как Бриджер отбросил с моего плеча спутанные волосы, его ладонь осталась там, согревая мою кожу. Потом его пальцы легли на мою щеку. Я посмотрела ему в глаза и встретила его изучающий взгляд.

Медленно-медленно он наклонился ко мне. Потом его губы почти прикоснулись к моим, и я почувствовала, как вся покрываюсь мурашками. Но он не поцеловал меня, как положено. Вместо этого его губы задержались в уголке моего рта – никогда не думала, что это такое чувствительное место.

– Так хорошо? – прошептал он; его губы были так близко, что слова, казалось, вибрировали прямо на моей коже. – Тебя пока довольно трудно прочесть.

Еще как, черт возьми. Но я не отвечала, боясь, что голос изменит мне. Вместо этого я подвинула лицо чуть ближе к нему, в надежде, что он поймет. Сердце колотилось как бешеное, когда его губы нашли мои. Губы у Бриджера были нежные и мягкие. Когда мы наконец поцеловались, грудь захлестнула теплая волна счастья.

Его рука обвила меня, но губы отодвинулись.

– Мне хотелось это сделать, – прошептал он, – с того момента, как ты села завтракать.

Когда он снова поцеловал меня, я обмякла и прижалась к нему. Его губы приоткрылись, и язык медленно заскользил по моему. Я тихо заскулила от удовольствия. И решила, что смущаться по этому поводу буду потом.

Отуманенная счастьем, я и не заметила, как Бриджер переложил гитару с моих колен на кровать Кэти. Мы по-прежнему сидели рядом, но Бриджер подсунул руку под мои колени и поднял их над своими, так что мы оказались почти лицом друг к другу. Его широкие ладони согревали мою поясницу, и он целовал меня снова и снова. Я позволила своим пальцам изучать твердые мышцы его плеч, бархатистую кожу на затылке, а потом зарыться в его густых волосах.

И тут запищал его таймер.

Бриджер со стоном прервал наш поцелуй. Он нажал кнопку на часах, чтобы они заткнулись. Потом обнял меня обеими руками, положив подбородок мне на плечо.

– Вторжение реальности, – тихо произнес он.

Я промолчала, только сплела пальцы на его широкой спине, крепко сцепив их.

– Мне надо идти, – сказал он.

Я заерзала, спуская ноги с его колен.

– Я знаю.

– Ох, как не хочется… – Он встал. – Можно, я позвоню тебе позже?

Я кивнула.

Он нагнулся, легко поцеловал меня в губы, повернулся и вышел из комнаты.

Оставшись одна, я снова плюхнулась на кровать – не девушка, а трясущееся, глупо ухмыляющееся недоразумение. Губы распухли от его поцелуев, ладони были влажными.

Хоть что-то в этот день пошло так, как надо.

Он позвонил в половине десятого. Я заставила себя подождать второго звонка, чтобы ответить.

– Привет, – сказала я, смутившись.

– Привет, Скарлетт. – Он говорил приглушенно. – У нас все круто?

– Да, – сказала я. – Правда, было бы еще круче, если бы ты сюда пришел. – После этих слов мое сердце заскакало, как пони. Ведь не исключена возможность, что Бриджер сейчас затянет что-нибудь вроде: «Слушай, сегодня днем… я вовсе не хотел этого делать».

Но ничего подобного. Вместо этого он тепло усмехнулся в телефон.

– Я бы с удовольствием.

– Ты на работе? – спросила я. – На складе?

– Как всегда. Знаешь… – Он замолчал, как будто раздумывал, говорить или не стоит. – Скарлетт, ты мне ужасно нравишься. Но у меня почти не бывает времени.

– Знаю, – тихо сказала я. – У тебя забот полон рот.

– В этом году… Мне уже говорили, что дружить со мной – ужасная тягомотина.

– Я так не думаю, – сказала я.

– Пока не думаешь, – он вздохнул. – Увидимся в четверг?

– Буду на месте.

В четверг мне показалось, что лекция по статистике тянется лет десять. Бриджер влетел в зал в последнюю минуту и сел где-то позади меня. Это были тягостные девяносто минут, в течение которых я то поглядывала на доску, где профессор торопливо писал примеры, то задумывалась, не будет ли мне теперь с Бриджером неловко.

Когда кошмарная лекция закончилась, я нагнулась, чтобы засунуть тетрадь обратно в сумку. Спокойствие, только спокойствие, наставляла я себя. Если бы я еще понимала, что это значит. У меня было очень мало опыта с парнями. Я вроде как поздно созрела, в первые годы старшей школы меня интересовал исключительно хоккей. Трудно представить себе какие-либо сцены типа мальчик/девочка, когда каждые выходные уезжаешь в Конкорд или Бедфорд на матч.

А потом наступил выпускной класс. И пока другие девчонки планировали романтическое празднование выпускного вечера, я сидела одна в своей комнате, прячась от фургонов спутникового телевидения, в три ряда стоявших у дома. Я провела эти месяцы, совершенствуясь в игре на гитаре и считая дни до того момента, когда смогу сбежать в колледж.

В результате я назубок знала последовательность аккордов для множества песен и понятия не имела, как вести себя естественно с парнем, который мне нравится. Очень нравится.

Но когда я встала, чтобы выйти из аудитории, он ждал меня со своей кривоватой улыбкой на усталом лице. Он протянул мне руку ладонью вверх.

– Давай?..

Я взяла его за руку. И когда теплые пальцы сомкнулись вокруг моей ладони, мне захотелось на радостях пуститься в пляс.

После теории музыки, на которой мы сидели рядом, мы пошли на ланч и снова держались за руки.

– Где ты научилась играть на гитаре, Скарлетт? Твои родители музыканты?

Это меня рассмешило.

– Господи, нет, я самоучка. Нет ничего такого, чего нельзя выучить в Университете Ютуб.

– Ты играла в ансамбле? – спросил он. Большим пальцем он погладил мою ладонь. Никогда не думала, что рука – это сексуальный орган, но от прикосновения его кожи, моя ощутила просто-таки электрические разряды.

– В ансамбле? – Я старалась не терять нить разговора. – Нет. Думаю, я солистка.

– Какая ты интересная девчонка, Скарлетт, – сказал он. И отпустил мою руку, чтобы достать кошелек у стойки столовой. Я сразу же соскучилась по его ладони.

– Ты ничего не рассказываешь о Майами-Бич, – сказал Бриджер, когда мы медленно пили кофе. – И о своей семье тоже.

Я даже не постаралась скрыть гримасу.

– Майами-Бич – лучше некуда. Моя семья… не очень-то. Предпочитаю о ней не говорить. История не очень красивая. – Правда была в том, что мне не хотелось больше врать под взглядом этих глубоких зеленых глаз.

Лицо Бриджера вспыхнуло пониманием.

– Ладно. У меня то же самое, но я не ожидал… Потому что с виду ты из благополучной семьи.

– А ты, по-твоему, нет? – возразила я.

Он приложил одну ладонь к моей щеке, а другую – к своей.

– Наверное, ты права. Может быть, нет никакого вида. И нужно перестать думать, будто всем остальным в этой комнате приходится легче, чем мне.

Я обернулась, и мы вместе оглядели смеющуюся, жующую толпу, наполнявшую в полдень студенческий центр. Да, выглядят все довольными и счастливыми. На миг я снова почувствовала себя вратарем, который анализирует игру, высматривает неприятности.

– Не-а, – наконец произнесла я, поворачиваясь к Бриджеру. – Думаю, у большинства все более или менее в порядке.

Бриджер улыбался.

– За этим столом собрались циники, – сказал он, постукивая пальцем по деревянной столешнице.

– Партия для двоих, – согласилась я.

Глава 5. Нет дыма…

Скарлетт

Я была счастлива.

Слово, которое я уже давно не произносила. Хотя я знала, что мы с Бриджером, скорее всего, будем по-прежнему видеться всего два раза в неделю, внутри у меня как будто зажегся свет. Следующие несколько дней я ходила как в тумане, голова у меня шла кругом.

Поэтому, вероятно, я и не заметила, как это подкралось.

В понедельник, на пути из общежития, кто-то окликнул меня:

– Шеннон! Подожди!

При звуке моего прежнего имени я резко подняла голову. Аззан, охранник отца, стоял, прислонившись к статуе Абрахама Харкнесса. Подбежав к нему, чтобы он не вздумал снова орать «Шеннон!», я уже обдумывала, что скажу, если кто-нибудь его услышал.

– Чего надо? – рявкнула я.

– И тебе доброе утро, – ответил он.

Его улыбка была едва заметной и вовсе не располагающей.

– У меня занятия, – сказала я ему.

– Ты должна назначить время беседы, Шеннон.

– Ничего я не должна. Мне нечего сказать.

– А это решает адвокат твоего отца, – сказал Аззан, перестав изображать улыбку. Ты назовешь день, и мы провернем все за пару часов.

– Я не могу вмешиваться, – настаивала я, закидывая рюкзак повыше на плечо. – Ничего не знаю и ни с кем не намерена встречаться.

– Шеннон, ты встретишься с ним. Если хочешь изображать бунтующего подростка, выбери другой повод. А это не обсуждается.

Увы, я тоже так считала.

– У меня занятия, – повторила я. Трудно было представить, что Аззан проехал более девяноста миль, только чтобы поговорить со мной. Если так, от него будет трудно отделаться.

– У тебя неделя на то, чтобы позвонить мне и назначить встречу. – С этими словами он повернулся и пошел прочь.

Я была рада, что он отвалил. Но он не сказал, что будет, если я не позвоню. Похоже, скоро сама узнаю.

Эта встреча омрачила мне выходные, а из-за статьи в газете они стали совсем черными. Статья была на первой странице, вверху. Три совершенно новых обвинения в адрес отца.

«Прошел год, но они продолжают выходить из тени». Я просмотрела статью со знакомым чувством боли и ужаса в сердце. Как и прочие, новые обвинители были подопечными отцовского фонда для мальчиков из неблагополучных семей.

Я покосилась на смазанное фото на сайте новостей. Сфотографировали только одну жертву. Волевое лицо – рельефные скулы, выпуклый лоб. Видела ли я его раньше? Похоже, что нет. Или мне просто хотелось так думать?

Больше года я только этим и занималась – смотрела на зернистые снимки, пыталась напрячь память. Бывали дни, когда мне удавалось себя убедить, что все это бред собачий. Я никогда не видела, чтобы отец делал что-нибудь странное. И потом, я кучу времени проводила в раздевалках. Это были большие, гулкие помещения, где народ непрерывно сновал туда-сюда. Как мог довольно известный тренер пятидесяти с лишним лет надолго оказываться наедине с четырнадцатилетками так, чтобы никто не заметил?

И все же…

Мой взгляд постоянно возвращался к фотографиям этих ребят. На этом снимке – лицо молодого человека. Ему уже девятнадцать. Если верить учителям, которые дали интервью для статьи, он стал агрессивным и неуправляемым в раннем подростковом возрасте. Никто не понимал, почему из отличника он превратился в отстающего по всем предметам. Он сказал матери, что один из его хоккейных тренеров жуткий тип. Но на расспросы отвечать отказывался.

Он перестал есть.

Бог ты мой.

В газетных отчетах отец выглядел очень-очень виновным.

В отличие от матери, я не тешила себя надеждой, что мальчики все выдумали. Даже если речь шла о возможном подкупе, я нутром чуяла, что цена подобных обвинений для молодого человека слишком высока. Даже случившееся со мной в прошлом году не настолько меня подкосило, чтобы я стала верить, будто все это заговор.

В статьях отца всегда изображали (и правильно) патологическим себялюбцем. Нашлось огромное количество старых фотографий, где он либо кричит на игроков, либо, наоборот, сияет победной улыбкой.

В реальной жизни тренер Эллисон был самым замкнутым, молчаливым, колючим типом, какого только можно встретить. Он отмеривал эмоции будто пипеткой, а свое одобрение берег исключительно для хорошо сыгранных хоккейных матчей.

Очень немногие из свидетелей, вызванных давать показания о его моральном облике, ринулись на его защиту.

Сегодняшняя статья сопровождалась снимком из газетного отчета о хоккейной программе в Стерлинг-колледже. На фото отец щеголял дизайнерским костюмом и ослепительной улыбкой.

Мой отец никогда не улыбался, разве что по просьбе фотографа. И когда его команда выигрывала сложный матч.

Благотворительный фонд «Стальные крылья» начал набирать силу, когда мне было пять лет, сразу после того, как мы переехали в Нью-Гемпшир. Группа игроков НХЛ сделала начальные инвестиции в аренду катка и снаряжение. Хоккей – спорт дорогостоящий, и «Стальные крылья» давали возможность играть в него мальчикам, которые иначе не наскребли бы и на пару коньков.

Но теперь весь мир знал, что основатель фонда мог иметь и зловещие намерения.

В прошлом году ни одна живая душа не задала мне, казалось бы, очевидного вопроса: «Ты знала?»

Никто не спросил об этом вслух, и очень жаль, потому что мне хотелось ответить. Нет, понятно? Нет. Не имела представления.

Одного мне не хотелось признавать: что я часто задумываюсь о нестыковках. Если тренер Эллисон все это проделывал, почему потребовалось десять лет, чтобы его уличить? Это не давало мне покоя. И более того, меня тревожило, что я вообще об этом думаю. Потому что вовсе не из любви к отцу я надеялась, что это ошибка. Я надеялась, что, если он действительно делал эти ужасные вещи, он будет осужден.

Но как я могла все это упустить? Неужели я такая дура? Или эгоистка? Или просто ненаблюдательна? Если он правда виноват, то кто после этого я?

Я бросила газету на пол первой страницей вниз.

В последних строках статьи сообщалось, что выбор присяжных состоится в декабре, и сразу после этого начнется суд. Родители уже сказали мне, что я должна буду сидеть в зале рядом с ними.

От этой мысли мне делалось худо.

Бриджер

Вторники и четверги были для меня лучшими днями недели. Короткое бегство от реальности. Я теперь жил ради этих нескольких часов со Скарлетт.

Мы перестали делать вид, что занимаемся вместе. Наше время после лекций было слишком драгоценным, чтобы тратить его на теорию музыки или статистику. Мы просто съедали ланч и валяли дурака. И обжимались.

По четвергам, когда у ее соседки Кэти был послеобеденный семинар, мы часто брали ланч с собой и ели в комнате Скарлетт. Иногда она играла мне на гитаре. Но все всегда заканчивалось объятиями на ее кровати.

Первый шаг всегда делал я. Скарлетт была застенчива. Верхом зазывного поведения для нее было исподтишка рассматривать меня своими ореховыми глазами. Потом она краснела и отводила взгляд. Но когда я привлекал ее к себе на колени и целовал в шею, она таяла, как теплое масло. А когда я укладывал ее на спину на кровать, она тянулась ко мне и целовала так, будто умирает от жажды, а мой поцелуй – последний глоток воды на свете.

Потом наступало два часа, мой таймер пищал. Я извинялся и уходил, всегда с сожалением.

В другое время мы не встречались. Иногда она задавала наводящие вопросы, типа «какие планы на выходные?». И я всегда отделывался пустыми отговорками: «В пятницу и субботу вечером работаю нянькой». После этого я всегда менял тему разговора. Она понимала намек и прекращала рас-спросы.

Скарлетт, к счастью, не была приставалой. Думаю, она понимала, что я даю ей все, что могу.

Это был странный уговор. Но это был наш странный уговор.

Однажды холодным октябрьским днем, когда мы шли в ее комнату, во Дворе первокурсников на нас обрушился ливень. Небо разверзлось, когда мы проходили мимо старых дубов, листья которых золотились на каменной дорожке. Мы побежали, как только на нас упали первые гигантские капли. Но очень скоро дождь превратился в потоп, и бежать уже не было смысла. Мы успели промокнуть до нитки, когда остановились посреди двора, где тяжелые капли стучали по брусчатке. Смеясь, я обнял Скарлетт и поцеловал – губы горячие, дождь холодный. Гроза прогнала всех с улицы, и на дорожке остались только мы вдвоем, со слившимися губами. Когда я крепко прижал ее к себе, она застонала.

– Пойдем внутрь, – сказал я хриплым голосом.

Держась за руки, мы побежали в ее комнату. Бросили промокшие сумки на пол и с хохотом повалились на кровать.

Потом Скарлетт собрала в кулаки промокшую ткань моей майки и потянула вверх. Я пригнул голову, чтобы она могла снять с меня одежду. А потом, освободив голову, увидел выражение лица Скарлетт. На нем было написано: «Господи Иисусе». Затем ее руки засновали по моему телу.

Сердце у меня заколотилось как бешеное. Трясущимися руками я тоже содрал с нее топ через голову. Целуя ее, расстегнул промокший лифчик. Потом положил руки ей на плечи и опрокинул на кровать.

– М-м-м, – произнесла она, когда мои губы стали прожигать дорожку на ее коже от шеи до самого подбородка.

– Скарлетт, – прошептал я. – Какое у тебя красивое тело.

Я лег поверх нее, взяв в ладони ее груди. А когда я стал большими пальцами поглаживать ей соски, она чуть не свалилась с кровати.

– Ох ты, – выдохнула она.

– Что? – Я чувствовал, что теряю над собой контроль, но в хорошем смысле, или так мне казалось. Но теперь я поднял голову, чтобы увидеть выражение ее лица.

– Как хорошо, – выдавила она.

Значит, все в порядке. Я склонился к ней, целуя полуоткрытыми губами ее шею и плечо. Скарлетт просто задыхалась в моих объятиях. Она подняла руки, запустила пальцы мне в волосы. Потом провела ими по моей шее.

У Скарлетт была бархатистая кожа, я мог бы гладить ее день напролет, и мне было бы мало. Мои губы начали исследовать теплый рельеф ее груди. А когда я увлажнил один из сосков языком, то услышал, как она резко втянула воздух. Ее тело замерло. В этот раз я не принял ее реакцию за недовольство. Улыбаясь, я взял в рот кончик ее соска. Это вызвало тихий стон, который отозвался в моем уже вздрагивающем члене.

Черт, эта девчонка просто убивает меня. И вовсе не потому, что я уже давно не занимался сексом. У меня был жар из-за того, как она смотрела на меня – с

выражением удивления, восторга и желания.

С чмоканьем выпустив ее набухший сосок, я взялся за вторую грудь. Я мог бы делать это бесконечно, пока она издает эти тихие призывные звуки.

Скарлетт

Вот ведь дьявольщина. Я и не знала, что в моей груди столько нервных окончаний. Пальцы Бриджера скользили по моей груди, когда он целовал меня, и его прикосновения были легкими и нежными, как перышко. Ощущать вес его тела на себе было наслаждением.

До Бриджера мне никогда не нравилось миловаться с парнями. Мой предыдущий опыт ограничивался обжиманиями украдкой на танцульках в десятом классе. Все это было очень неуклюже и бессмысленно. Хоккей поглотил почти все мое время в предпоследнем классе, мне и правда было не до отношений с парнями. А потом? Выпускной класс – все ходили парами и кадрили друг друга, а я была отверженной.

Чудеса, происходившие здесь, на моей постели, были для меня абсолютно внове. Удовольствие так опьянило меня, что я не услышала, как открылась дверь.

– О, приве-е-ет, – прозвенел голос Кэти. – Вот для этого и вешают банданы на ручку двери.

Когда дверь со щелчком закрылась, Бриджер положил голову мне на грудь и рассмеялся.

– О-па.

– Это как-то… неловко, – сказала я, почувствовав, что начинаю краснеть.

– Не-а, – ответил он. – Людей ловили и на делах похуже, правда ведь?

– Конечно, – сказала я. Но это заставило меня подумать: интересно со сколькими девчонками его застукали за все эти годы.

А потом, как всегда, у Бриджера запищали часы.

Он еще минуту побыл со мной, соскользнул с меня, нежно поцеловал в губы.

– Мне пора, – прошептал он.

– Знаю, – шепнула я в ответ. – Ты же понимаешь, что я не жалуюсь?

– А я это ценю, – сказал он, протягивая руку за футболкой, валявшейся на полу. Мне он протянул лифчик. – Прикройся, а то я могу и не дойти до двери.

– А я противлюсь искушению выбросить его в окно…

Он еще постоял, рассматривая мою наготу, потом запрокинул голову и вздохнул.

– Черт возьми, барышня. Это мощно.

Я засмеялась.

– Почему? – Трудно было поверить, что я обладала чем-то таким, чего он не видел прежде. И потом, хотя я больше не спортсменка, тело у меня осталось спортивным, но не женственным. Меня не примешь за красотку из «Плейбоя».

Он покачал головой.

– Просто ты на меня так действуешь. Твоя сексапильность – сильного типа, ну, например, ты бы могла подраться с Кэти и победить. Но ты и нежная в то же время.

Я застегнула лифчик и натянула его на грудь, готовясь просунуть руки в бретельки. Но что-то в его лице меня остановило.

Он встал передо мной на колени и потянулся, чтобы поцеловать каждую грудь еще раз. И от его прикосновений я совершенно размякла. Я хотела снова прыгнуть на него, но он поднялся.

– Спасибо, Скарлетт, – сказал он, когда я обняла его на прощание.

– За что? – шепнула я. – За то, что я твоя вторнично-четверговая подружка?

Он поменялся в лице.

– Все семь дней недели. Потому что я думаю о тебе каждый день.

Он наклонился, еще раз поцеловал меня и направился к выходу.

– Возьми сэндвич, – сказала я вдогонку. – Мы ведь так ничего и не съели.

Усмехнувшись, он на ходу выхватил из коробки сэндвич. Потом закрыл за собой дверь, но я еще услышала его слова «пока, девчонки», прежде чем он окончательно покинул комнату.

Я еще немного полежала на кровати, прокручивая в памяти подробности этой встречи. Раздеться в присутствии парня – для меня это было не очень приемлемо. Теоретически. Но Бриджер заставил мои предубеждения рассеяться. Его теплый взгляд, нежность его рук на моей коже – как будто все так и должно было быть. Все же прошло полчаса, прежде чем я решилась выйти в гостиную. К сожалению, там меня поджидали обе Кэти. Но напрасно я ожидала насмешек – их не последовало. В их глазах было совсем не то, чего я ждала. Это был благоговейный ужас.

– Так, – сказала Кэти-Блондинка. – Это ведь Бриджер Макколли, верно?

– Мгм, ага, – я замерла рядом с кушеткой у окна.

– Интересный выбор, – сказала Кэти-Конский-Хвост. – Он такой крутой. Я слышала, он настоящий игрок. В хоккей и не только. Но в этом году он куда-то исчез.

– В смысле? – спросила я. Действительно, что значит «куда-то исчез»? Я ведь все время вижусь с ним.

– Говорят, он был легендарным тусовщиком, но теперь никуда не ходит. Я слышала кучу сплетен, но скорее всего, большинство из них вранье. – Она стала загибать пальцы, перечисляя:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Пер. Э. Линецкой.

2

Scarlet – алая (англ.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/bouen_sarina/god-nashih-tayn

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить